

МОРЕ ТО ЛИ СЛЕГКА РАЗЫГРАЛОСЬ,

то ли помутилось — состояние между новым корытом и новой же избой. На топчане, застланном тряпицей, помидоры густо-малинового цвета, спичечный коробок с крупной солью, ломти черного и коряво открытая банка бычков (в Одессе — бычки в банке, тьфу). Под топчаном пустая водочная бутылка. Два пожилых мужика греют дряблые тела и, можно сказать, разговаривают:

Два футболиста, снявши бутсы,
С двумя красотками играют.
Они красоток развлекают,
А те от радости смеются.

Это — один, с набрякшими подглазными мешочками.
Второй в ответ:

Стиль баттерфляй на водной глади
Нам демонстрируют две девы.
Плывут направо и налево
В гребном канале в Ленинграде.

И далее, по очереди, со светлой горечью утраты:

— Там на горе, покрытой маком...
— Один рассеянный вассал...
— Иван Иваныч издавна...

Проникнувшись ощущением общности, я решил вмешаться. Пробормотал не слишком тихо:

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка, —

И услышал от того, с мешочками:

Мне снилось, что ко мне на провода
Шли по лесу вы друг за дружкой.

А так?

Вооруженный зрением узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную...

Получите:

Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и все.

Свои люди. Право начинать перешло к ним, я
напрягся.

Первый:

По железной дороге
Шел петух кривоногий,
А за ним восемнадцать цыплят...

Я:

Он зашел в ресторанчик,
Чеколдыкнул стаканчик,
А цыплятам купил шоколад...

Второй:

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она
Зеленая была.

Пробил мой звездный час. Про «Крокодилу» я знал все. Полного текста «Крокодилы» не существует, она бесконечна:

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она
Зеленая была.

Во рту она держала
Кусочек одеяла.
И думала она,
Что это ветчина.

Увидела торговку —
И хватъ у ней морковку.
Она, она
Голодная была.

Увидела япошку —
И хватъ его за ножку.
Она, она
Голодная была.

Увидела француза —
И хватъ его за пузо.
Она, она
Голодная была.

Увидела китайца —
И хватъ его за яйца.
Она, она
Голодная была.

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она
В пупырышках была.

По улицам гуляла
И хвостиком виляла,
Куплеты напевала:
«Лай-ла-ла-ла-ла-ла!»

Солдаты и матросы,
Купите папиросы,
Табак у нас хороший,
Полфунта за пятак!

По улице ходил-ка
Зеленый крокодилка
И песенку чирикал
Про белый фазтон.

Он подметал хвосточком
Зеленые листочки
И нес на ручках дочку
Зеленую, как он.

А дальше дело было:
Навстречу крокодилу
Большая крокодила
Дорогу перешла.

Не очень молодая,
В морщинах и седая,
Никто не угадает,
Куда она пошла...

Ну и так далее.

Песенку эту, а вернее бодрый марш «Дни нашей жизни», написал в начале прошлого века Лев Чернецкий, капельмейстер 15-го стрелкового полка. Капельмейстером Лев Исаакович, надо сказать, был потомственным. Папаша его Исаак Исаевич тоже капельмейстерствовал в разных полках, а также на альте играл и сочинял — мазурки и марши, два из которых стали довольно знамени-

тыми: «Голубая даль» и «Старинный марш». Храбрецом себя показал Исаак Исаевич в войне с турками, поднял свой полк в атаку в битве за Шипку, за что награжден был Святым Станиславом третьей степени с мечами, а потом и Святой Анной той же степени с мечами же. Да и кузен Льва Исааковича в музыкальном деле немалых успехов добился: Соломон Исаевич Чернецкий стал даже главным по всем оркестрам Красной армии, дирижировал сводным оркестром на параде Победы и Сталинскую премию схлопотал, после чего, правда, его шархнул паралич (но — будем справедливы: *post hoc, non est propter hoc*). Сам же автор «Крокодилы» от отца унаследовал не только музыкальное дарование, но и отчаянную смелость: в печально известном Кишиневском погроме 1903 года организовал какую ни то самооборону и по мере слабых еврейских сил давал отпор толпе убийц с хоругвями. Такая была славная семья. Не в пример брату Лев Исаакович благ от советских властей ждать не стал, а в восемнадцатом году со своим семейством уехал во Францию, где след его после начала мировой войны затерялся. Вполне мог и в лапы к нацистам попасть.

Впрочем, возвращаюсь к «Крокодиле». Слова-то, судя по их неприязательности, народные и вроде бы пели их — Бог весть на какую мелодию — еще за сотню лет до появления на свет Лейбы Чернецкого ремесленники удмуртского городка Сарапула про своих братьев из Ижевска, потому что ходили ижевские работяги в длинных зеленых кафтанах... Заразный мотивчик. Поговаривали, что сам Леонид Андреев дал своей пьесе название этого популярного марша, но такого быть никак не могло: андреевские «Дни нашей жизни» появились года на два раньше чернецких. Публика с ума сходила: студент влюбился в хрупкую чистую девушку, а ту, бедняжку, вместе с матушкой скончавшийся картежник-отец оставил без средств да еще в долгах, и Оль-Оль (такое ласковое имя) телом своим торговала, чтобы им с голоду не помереть. Нет повести печальнее, народ валил на спектакли, в кондитерских появились конфеты «Дни

нашей жизни», и счастливый Леонид Николаевич угощал ими друзей и знакомых. Но это мы опять от «Крокодилы» вбок отъехали. А вот Чарльз Спенсер Чаплин и впрямь заразился этим маршем и трогательно спел под него в «Новых временах» свою песенку. Если кто позабыл, бездомный бродяга-Чаплин по сюжету должен спеть про веселого старикашку, который подцепил красотку на бульваре, а та не отводила глаз от бриллианта на его толстом пальце. Бродяга никак не мог запомнить слова, и его подружка написала их на манжете, а он так размахался руками во время танца под эту «Крокодилу», что манжет потерял. И тогда запел белиберду из франко-итальянских то ли слов, то ли звуков. В общем — «Уно, уно, уно моменто». Мне лет девять, мы сидим в дачном сарае моего друга Алика и тарашимся на экран, где летают чаплинские манжеты, — у Аликиного папы настоящей звуковой киноаппарат... Семьдесят лет тому.

А позже институтский приятель Яша пропел мне на крокодилову мелодию душераздирающую балладу про негра Тити-Мити, красавицу из Сити и попугая Кеке, которых отравила ревнивая жена негра Фаити. Ну, гуляка муж и растленная Мэри Бильбоке получили по заслугам, а попугая-то за что? Птичку я жалел. Дело было в разгар целинного идиотизма, мы шли по ночному алтайскому полю, холодные осенние звезды никак не смягчали чувства утраты, и мы с Яшей решили помянуть усопшего Кеке как только выберемся за пределы зоны сухого закона.

Все это я рассказал одесским старикам, и они прониклись ко мне высокими чувствами. Чувства эти стали еще выше, шире и глубже, когда Рувим сгонял за второй бутылкой, а Вениамин освежил натюрморт с помидорами и бычками. Оба оказались Яковлевичами, и я тут же разъяснил им, что, в сущности, они единокровные братья, ибо Рувим был старшим сыном Иакова, а Вениамин — младшим. А уж когда выяснилось, что маму Рувима, Елену Семеновну, на самом деле, согласно свидетельству о рождении, звали Лия, а Вениамина произвела на свет Рахиль,

и я указал слабо начитанным в Ветхом Завете друзьям на все эти удивительные сближения, те только что не рыдали от умиления...

Сидели хорошо. Как выяснилось, полвека отслужили они на фирме «воздух–воздух», Рувим закончил завлабом, Веня (с мешочками) — просто старшим техником.

— Науку не превзошел, — вяло махнул он рукой, — с четвертого курса выперли.

Рувим пояснил:

— Ага, этот шлимазл сказал, что ихний декан женат на партии, только непонятно, кто кого е... Высунулся. Забыл, что длинный гвоздь забивают первым.

Воздуха–воздуха не хватало обоим, и Веня прививал Рувимчику литературный вкус, а тот отмазывал Веню, когда тот в глухую андроповщину попался в будний день в вокзальном буфете за третьей кружкой пива.

Вот и сейчас их тянуло туда, в молодость. Веня со страстью читал частушки, извлеченные не из живого колдца народного творчества (где уж тут), а из «Доктора Живаго»:

Прощай, главная контора,
Прощай, щегерь, рудный двор,
Мне хозяйской хлеб приелся,
Припилась в пруду вода.

Нимо берег плыве лебедь,
Под себе воду гребё,
Не вино мене шатая,
Сдают Ваню в некрута...

In medias res пинг-понг продолжался.

— Аэропорт мой — реторта неона, — начинал Веня.

— Архангел небесных ворот, — подхватывал я.

— А где ловили косые всплески молока?

— У Ахмадулиной!

— Чем ловили? — это Рувим.

— Чем-чем — ротом!

Рувим морщинит лоб:

Так сочинилась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.
Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины...

— Стоп! — Вениамин встал. — Ишь ты, кувшины...
Я быстро.

И вернулся с третьей бутылкой.

— Садитесь, я вам рад, — сказал ему Рувим, который уже в середине второй изъяснялся исключительно цитатами. — Откиньте всякий страх.

Мы откинули, повернулись к морю. Шипела, напоя на берег, пена. Спросить бы у них, где находится та самая Арестань, куда мы привычно устремлялись в дождливую погоду, чтобы напиться чаю и предаться молитве. Может, знают? Ну да ладно. В другой раз. Мы молча допили изрядно потеплевшую водку и согласились встретиться на следующий день, тут же и в тот же час — сойтись и снова упиваться счастьем, лихорадочным и хрупким, возможным тогда лишь, когда исчезает прогал между этим и тем временем.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

на заправке перед ним оказалась только зеленая микролитражка. Дама средних лет с аккуратной завитой головкой уже расплатилась и возвращалась к своей машине. Проходя мимо «форда» Каспера, она бросила взгляд в окно и расплылась в умильной улыбке.

— Что за ангелочек у вас — чудо, ну просто чудо!

Ангелочком, надо полагать, была его внучка. Она спала на заднем сиденье, рассыпав легкие золотистые локоны по обивке. Каспер принужденно улыбнулся в ответ. «Скорее чертеночек, — подумал он, — если уж доспело искать сравнение с чем-то неземным».

Шоссе I-78 было пустынным, окрестности в сгущающихся сумерках смотрелись уныло и однообразно. Старого Каспера клонило в сон. Позади остались полторы сотни миль, печальный трубач тихонько выдувал *I just called to say I love you*, а увеличить громкость плеера нельзя — внучка тихо сопела за спиной, и он боялся нарушить ее сон. Надо бы остановиться, выйти из машины, размяться, разогнать подступающую дремоту, да не хотелось терять время. Вместо этого он, напротив, поднажал — стрелка спидометра перевалила за восемьдесят. Впереди показались задние габаритные огни. Каспер взял левее и пошел на обгон неторопливой зеленой микролитражки, ухватив боковым зрением завитую головку и кивнув чувствительной даме. Они поравнялись, когда со встречной полосы, пробив бетонный разделитель, вылетел черный «тахо» и замер в полусотне метров прямо перед ним.

В его дальнейших действиях рассудок уже не участвовал. Нога сама давила на тормоз, а руки не давали вильнуть «форду», зажатому между микролитражкой и бетонным отбойником. Машина остановилась на расстоянии вытянутой руки от черной громадины.

Каспер вышел из машины одновременно с ошалевшим водителем джипа, тощим рыжим парнем в мешковатых джинсах и потной майке. Тот уже водил неуверенным пальцем по экрану телефона.

— Ты в порядке? Есть еще кто в машине? — Каспер старался говорить спокойно.

— Никого, я один. Видно, отключился на пару секунд.

Каспер кивнул. Удивительно — руки не дрожат, мысли не путаются, сердце бьется ровно. Он вернулся в машину и запустил двигатель. Подал назад, съехал на обочину, остановился. Дама из микролитражки семенила к нему, громко ахая и прижимая руки к груди:

— Боже, Боже, ужас, ужас!

Не дождавшись ответа Каспера, она заковывляла к джипу, а за его «фордом» уже выросла цепь автомобилей. Хлопали дверцы, и вот уже парня в потной майке не разглядеть за спинами сочувствующих.

Каспер оглянулся и посмотрел на внуку. Девочка безмятежно спала, подложив кулачок под щеку. *Feelings, feelings like I've never lost you* — тихонько пел Энди Уильямс. Он перевел взгляд на плотную толпу у джипа. Слава Богу, обошлось. Обошлось без жертв. А ведь если бы... Если бы скорость была на милю-другую больше... Или парень заснул на мгновение позже... да этого метра, который нас разделял, не было бы и в помине! Старик словно ощутил скрежет сминаемого железа, хруст раздробленных костей... И снова повернулся к девочке. Вот теперь почему-то стали дрожать руки. Почему теперь, когда уже все позади? На лбу выступила холодная испарина. Бешено заколотилось сердце. Боль затопила грудь. Ну, ну, не сейчас, только не сейчас. Господи, только не сейчас. Он потянулся к «бардачку» за таблетками. Нет, не достать... *Feelings like I'll never have you again in my heart...* Сердце, сердце. Опять сердце. Больно-то как...

Сирену «скорой» и плач девочки старик уже не услышал.

УСЛЫШАЛ КАК-ТО Я

историю китайского мудреца Вана Хуэйчжи. О ней чуть позже — ее бы следовало предварить отважным заявлением: вообще-то я хороший. Нескромно, зато откровенно. Судите сами: в натуре моей немало положительных качеств. Например, я ленив. Свойство это невозможно переоценить. Сопровождаемое склонностью к созерцательности, неторопливостью в решениях и действиях, размеренностью в образе жизни, оно существенно ограничивает активность в той сфере, которая сопряжена с совершением всяческих подлостей, пакостей, низостей и мерзостей, — уж больно это хлопотно. Да и вообще, всякое целеполагание, сопровождаемое намерением эту самую цель достигнуть, влечет за собой суету, беспокойство, нервозность, недовольство собой и прочие унижительные переживания. Вот сцена на дороге: немолодая